

СТР.5

АХМАТОВА, САКСОФОН И
МОЛОДЁЖЬ Сороковых

СТР.14-16

ДЖАЗ, КАК СМЫСЛ ЖИЗНИ

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№38(328)
СЕНТЯБРЬ 2026

Бульварные Новости

СЧАСТЛИВЫЙ
ЧЕЛОВЕК

СТР.9-11

ЗОЛОТИСТАЯ

СТР.6-7

АКТЕР-
ЛЕГЕНДА

СТР.8

ДЖАЗ, КАК СМЫСЛ ЖИЗНИ

Легенда советской эстрады, заслуженная артистка Узбекистана, лауреат премии Ленинского комсомола — так в разные годы ее величали у нас.

«Леди ироничного джаза» — так ее окрестили на Западе.

Своими учителями Наталья Нурмухамедова называет родоначальника узбекской эстрады Батыра Закирова, позвавшего в 1973 году юную певицу в Ташкентский государственный мюзик-холл, а также Полада Бюльбюль-оглы, в оркестре которого Нурмухамедова солировала в 1978-1981 годах. Всенародное признание к артистке пришло в середине 1980-х, после исполнения с ансамблем «Ялла» песни «Канатоходцы».

Геннадий Норд

— Как ты относишься к узбекской кухне? Сама готовишь?

— Конечно. Первое время меня сильно выручало то, что я плов умею готовить, лагман. Это же очень экономно: приготовил плов и неделю его ешь. Потом поднадоело. Готовлю теперь исключительно в крайних случаях.

— Как во времена СССР песня становилась хитом?

— В те времена песня всегда «выстреливала», попав в «Огонёк» или в «Утреннюю почту». Так было с песней «Канатоходцы», которую мы спели вместе с ансамблем «Ялла», так было с моим «Малиновым сиропом». А вот песне «Кыз-бола» Энмарка Салихова, с которой я выиграла первую премию на международном конкурсе в Дрездене, повезло меньше: на нашем ТВ она звучала не часто. Что, в общем-то, не удивительно: я спела ее в джазовом ключе.

— Джаз по-прежнему «музыка толстых»?

— Не популярен он в широких слоях населения. А проектов полно. Приходится с небольшими оркестрами сотрудничать. Пою песни из репертуара Эллы Фицджеральд. Люблю ее за лёгкость — даже некоторую легкомысленность. Я уверена, что если бы джаз не исполняли так серьезно, как это у нас принято, народ бы пошел на джазовые концерты. В Америке вон регтайм, бибоп, не говоря уже о рок-н-ролле — очень популярные жанры, люди веселятся; а здесь на джаз ходит одна элитная публика.

— Мне кажется, идея соединения узбекской эстрады с американским джазом напрямую связана с происхождением и многолетним существованием на стыке разных, в чем-то противоположных культур.

— Тут всё просто: мама у меня русская, отец воспитывался в ташкентском детдоме и фамилию получил потом от отчима. Вот и вся органика.

— О сценическом псевдониме никогда не думала?

— В то время об этом как-то не думали. Хотя мне-то уж точно нужно было брать псевдоним: фамилия трудная. Для русского уха «Нурмухамедова» звучит тяжело. Но мы жили музыкой, имидж нас волновал во вторую очередь. Сегодня ему уделяют повышенное внимание, правда, уделяют как раз те, кому больше нечем удивить.

— Зато национальных «самородков» поддерживали и продвигали в центре во имя «дружбы народов».

— О да, ни один большой концерт не обходился без представителей союзных республик — не всех пятнадцати, но шестнадцати — обязательно. От Узбекиста-

Группа «Синтез», 1972 год

ВИА «Цвет», Самарканд, 1973 год

Выступление в телепрограмме «Голубой огонек» с группой «Ялла», песня «Канатоходцы», 1985 год

В юности

на была Нурмухамедова или ансамбль «Ялла»; от Казахстана — Роза Рымбаева либо Нагима Ескалиева; от Прибалтики — Тынис Мяги, или Яак Йоала, или Анне Вески.

— В твоей эстрадной истории фигурируют многие славные имена от Высоцкого до Дунаевского.

— В конце 1970-х я работала в «Росконцерте», была штатной солисткой гастроллирующего оркестра под руководством Полада Бюльбюль-оглы, и все концерты проходили следующим образом: в первом отделении я и еще пара солистов, во втором — приглашенная знаменитость: Лев Лещенко, Валентина Толкунова, Людмила Сенчина, Александр Градский. Работали «кустом»: приезжали в крупный город, например, в Самару и колесили по области; потом знаменитость возвращалась в Москву, на смену ей приезжала другая знаменитость, «куст» слегка менялся. Всё было досконально продумано, хитро и умно. Не то, что сейчас — сегодня концерт во Владивостоке, завтра в Мурманске.

— Тяжело было общаться со звездами того времени?

— Думаешь, много было времени для общения? Мы отработывали первое отделение и шли по своим делам — обедать или готовиться к следующему выступлению: три концерта в день, а с Высоцким — пять! Они поют — мы отдыхаем, мы поем — их нет, они тоже приезжают к своему отделению.

Дружила с Максимом Дунаевским, потому что с ним было легко.

— Дунаевский для тебя ничего не писал?

Всесоюзный телевизионный конкурс «С песней по жизни», 1977 год

— У Дунаевского были свои любимые певцы, в основном, актёры: например, Караченцов.

— А с кинематографом у тебя какие отношения?

— Почти никаких. Одна-единственная песня Алексея Мажукова к какому-то туркменскому фильму.

— Твой голос прекрасно подошел бы Мэри Поппинс!

— Когда снимался этот фильм, я была уже снова в Ташкенте. В подобных ситуациях нужно быть неподалёку, в одном городе. Если бы я решила тогда остаться в Москве — карьера была бы совершенно другая.

— Тебе предлагали остаться?

— Конечно. После моего очередного лауреатства, году в 1987-м, мне предлагали место в «Москонцерте» и даже квартиру — я не пошла. Я любила свой Ташкент, я же думала, что Ташкент — лучший город на земле!

— Почему?

— Потому что Москва была для нас всё-таки чужой. Она и сейчас не сильно родная. Просто теперь уже и Ташкент не родной. А Москва... Тут две вещи мне мешают: суровый климат и чуждый менталитет.

— Заносчивость?

— Даже не это. Москва — большая деревня. В основной своей массе. Мы сами-то из простых, поэтому всегда тянулись к образованным да интеллигентным; в Ташкенте с этим было проще. Там сложился свой круг, в котором было много еврейской интеллигенции, журналисты, писатели, музыканты: Батыр Закиров, Энмарк Салихов, Раим Фархади, Феликс Янов-Яновский...

— Но в результате ты обосновалась в Москве. Это было связано с личной жизнью?

— О, еще какой личной жизнью! Начало 1990-х, всё по талонам, работы нет. Мне тогда Фаррух Закиров откровенно сказал:

— Наташа, работы у тебя не будет, если узбекский репертуар не сделаешь.

Я ответила:

— Нет.

Всю жизнь я хотела узбекское искусство поднять до уровня европейского, а теперь мне предлагали петь на свадьбах. Не моё это. И по уровню, и по менталитету. Я ведь всегда работала с музыкантами высшей категории. И я уже совсем была другая.

— А что в Москве?

— В Москве были люди, которые меня помнили: администраторы, директоры; еще оставался шлейф какой-то популярности: народ знал мои песни. Я и поехала — наобум Лазаря. И очень долго выплывала.

— После слов «личная жизнь» я, признаться, ожидал услышать нечто другое. Например, историю одного из твоих замужеств. Кстати, о мужьях: они все были музыкантами?

— Почти. Два мужа были из другой среды. И эти браки оказались еще короче, нежели остальные. Потому что там, кроме любви, нас, оказывается, держала музыка.

— Композиторы были?

— Один. Начинаящий. Может, если бы мы не расстались, он бы вырос как композитор, а я стала бы еще более популярной. Потому что искать песни трудно. А если кто-то специально для тебя пишет — что может быть лучше для певицы! Почему у наших примадонн такие удачные судьбы? Лучшие композиторы для них

Ансамбль современной джазовой музыки под управлением Пушена, 1988 год

Праздник весны «Навруз», 2010 год

Пластика «Поет Наталья Нурмухамедова»

Обложка CD альбома «Золотая коллекция «Ретро». Наталья Нурмухамедова»

ное было, как в фильме Ильёра Ишмухамедова «Влюблённые».

— И на баллонах от КАМАЗа плавала по Анхору?

— По Салару плавала еще до землетрясения. От ТашМИ и до самого Винзавода плавала. А оттуда — та-ра-ра, та-ра-ра — обратно баллон катишь. Ноги босые, асфальт горячий, все пятки обожжёшь, пока до речки добежишь. И снова — бултых в речку. Детство!

— А что такое старость по-твоему?

— Старость — это когда тебе не хочется петь, когда нет никаких желаний, и даже не реагируешь на мужчин. Получается, что до старости мне еще о-о-очень далеко.

— Что тебя заставило пойти в проект «Голос. 60+»?

— Хотела спеть джаз на Первом канале, напомнить всем, что я джазовая певица. Поп-песни народ с удовольствием слушает и просит исполнить на концертах. Мне это так неинтересно.

— Никто из наставников к тебе не повернулся. Леонид Агутин сказал, что ему не хватило в выбранном тобой произведении хотя бы двух строчек текста. Почему ты выбрала песню без слов?

— По-английски я не очень хорошо пою. Поэтому взяла композицию Эллы Фицджеральд «Smooth Sailing», которая представляет собой вокализ: произведение для исполнения голосом без слов. Наверное, это было ошибкой. Наставники ничего не поняли.

— Каково это — проиграть в телевизионном конкурсе?

— Я целый месяц переживала этот ужас. Всё думала: что не так сделала? Может, правда не ту песню выбрала? Берегла свои силы, осторожничала, не выдала всё, на что способна. У меня в жизни было десять международных конкурсов, очень серьёзных: в Венгрии, Чехословакии, Германии. Везде я была в числе лучших. И тут вдруг в 67 лет проигрываю. Обидно, конечно.

— Ты считаешь, что поздно поехала в Москву?

— Поздно, конечно. Надо было раньше это сделать. Если бы я в конце 1980-х оказалась в Москве, можно было бы запрыгнуть в артистический эшелон, в котором сегодня Лариса Долина, Валерий Леонтьев и другие звезды моего поколения. Они все сумели перестроиться. А я пропустила этот момент. И, когда в 1994 году приехала в Москву, обратилась в продюсерский центр Игоря Крутого за помощью. Игорь мне прямо сказал:

— Наташа, ничем не могу помочь, всё стало коммерческим. За любой эфир надо платить.

А я продала шикарную квартиру в Ташкенте за десять тысяч долларов. Такая наивная, спросила Крутого:

— У меня есть десять тысяч долларов. Если я вложу их, это поможет мне сделать рывок?

Он улыбнулся и сказал:

— Иди к моему заместителю, он тебе всё расскажет.

Тот мне расписал: за эфиры на радио и ТВ нужно было выложить 200-250 тысяч долларов. Таких денег у меня не было.

— И у тебя начался период жуткого безденежья?

— Очень рассчитывала на помощь мужа, с которым жила в то время, он был хорошим певцом. Мы с ним сделали совместную программу. Но концертов было мало: 1-2 в месяц за 30 долларов. На это прожить было невозможно. Он

писали песни, им было из чего выбирать.

— А молодым певицам примадонны мешали?

— Это всё ерунда. Никогда никто никому не мешал; у них была своя насыщенная жизнь: свой большой коллектив, который надо было кормить, бесконечные концерты и поездки. Всё в наше время зависело от редакторов. К ним-то и искали различные пути. Я, например, морковку возила.

— Морковку? Какую?

— Корейскую. Морковь по-корейски в Москве была экзотикой. Дыньки возила, курагу. Всё по пакетикам расфасовано: редактору, ассистенту редактора. Нашел общий язык с человеком — всё! Вечеринки устраивали для них. В общем, благодарили, как могли. Сувениры из-за границы привозили, какие-то духи, «пробники». Но это ведь такая мелочь в сравнении с тем, что эти люди для нас делали!

Хорошее было время. Всё шло своим чередом. И всё зависело от твоей собственной энергии, от твоего ума и, разумеется, некоторой удачи.

— В Ташкенте часто бываешь?

— Бываю раз в два-три года. На фестивалях джазовых.

— И как тебе нынешний Ташкент?

— Ну, он стал в общем-то еще красивей, но потерял тепло и уют того Ташкента, в котором я родилась. В 1994-м я уехала — и моего города больше не видела. Тех мест, в которых я выросла, нет. Мы в самом центре тусовались: сперва в «Снежке» или в кафе «Буратино». А подросли — перебрались в кафе «Дружба». Все свидания назначались в нём. Там работали лучшие музыканты, мы бегали их слушать. Мне пятнадцать исполнилось, когда с Салара мы переехали на Ц-1 к Консерватории. И с тех пор Сквер, Дом офицеров, парк имени Тельмана стали моими любимыми местами. Всё осталь-

Окончание. Начало на с.15

устроился в ресторан, где влюбился в молодую женщину, и ушёл от меня. Это было как раз накануне Нового года. Я в чужой съёмной квартире с большим ребёнком. Ни денег, ни работы. Рассчитывать не на кого. Я чуть не покончила с собой. Но я всё-таки взяла себя в руки. И через полчаса мне позвонили с предложением работы на новогоднем празднике в Польском посольстве. За 50 долларов! А ещё я поела там вкусно. Мы же голодали.

Моя подруга Ольга часто вспоминает случай из того периода. В Ташкенте мы хорошо жили. Друг к другу в гости ходили, всегда всё было. А тут Ольга приходит ко мне в гости в Москве — я тогда жила в стрёмной коммуналке. Я дочке даю кусочек курицы и риса. Себе рис положила. А подружке рис и сосиску. И говорю:

— Оля, мне для тебя ничего не жалко: последняя сосиска.

Она думала, я шучу. А я поела рис, понохала косточку от курицы и легла спать голодная. Ольга часто вспоминает, как я ей последнюю сосиску отдала. Так меня воспитывали родители: сам не поешь, а гостя накорми.

— Что было самым сложным в этот период?

— Сложность была в том, что у меня вся программа была заточена под дуэты с восьмым мужем, который меня бросил. Мне надо было её полностью переделывать под сольный вариант. Пришлось переписывать фонограммы. На это ушло много времени. Я потом вышла замуж фиктивно за аранжировщика: он мне восемь фонограмм записал, а я ему на два года сделала московскую прописку.

— У тебя были мысли бросить музыку?

— Никогда. Хотя мне советовали: «Брось музыку, иди в ЖЭК работать».

Нет, ребята, профессию не брошу. Если у тебя есть божий дар, не надо размениваться. Пусть ты один хлеб ешь, но ты должен петь и играть.

— У тебя когда-нибудь были проблемы с авторами? Ты их легко находила?

— Вообще, в советские времена нас, исполнителей, авторы в буквальном смысле расхватавали, боролись за нас. Мы были избалованы, поэтому я многим отказывала. Я не спела песни Игоря Николаева, Добрынина и других авторов, которые впоследствии стали очень популярными. Теперь жалею об этом.

— Почему отказалась?

— Потому что в то время я увлекалась джаз-роком, джазом. И мне хотелось петь именно эту музыку.

— Однако от попсовой песни «Канатоходцы» ты всё-таки не отказалась, спела её с ансамблем «Ялла».

— Был специальный выпуск новогоднего «Голубого огонька» с 1985 на 1986 год, где все артисты пели в дуэтах. Лайма Вайкуле и Валерий Леонтьев пели «Вернисаж», «Лаванду» — София Ротару с Яком Йоаллой, я с «Яллой» — эту песню.

— Какие песни всё-таки тебя «кормили»?

— «Малиновый сироп», «Канатоходцы» и «Кыз-бола» («Озорная девчонка»). По секрету скажу, я списала импровизацию песни «Кыз-бола» у Эллы Фицджеральд. Чуть-чуть её переделала, и она органично легла. Когда я заняла с ней первое место на конкурсе в Ялте в 1983 году, ко мне подошёл Константин Орбелян, подмигнул и сказал:

— Хорошо Эллу Фицджеральд знаешь.

Тогда обвинение в плагиате звучало как приговор. Поэтому все боялись быть уличёнными в этом. А сейчас никто ниче-

С Геннадием Нордом

С Алексеем Аппиным и Геннадием Нордом

С родителями на даче

В телепроекте «Голос. 60+»

НАТАЛЬЯ НУРМУХАМЕДОВА — Smooth Sailing HD (Слепые прослушивания Голос 60+ Сезон 2018)

го не боится, все друг у друга заимствуют.

Кстати, с этой песней связана ещё одна история. На конкурсе «Шлягер-84» в Дрездене я тоже пела песню «Кыз-бола». И, когда приехала на репетицию с оркестром, в партитуре дирижёр обнаружил ошибки. Я ночью переписывала ноты и «намудрила». Дирижёр наотрез отказался репетировать: много неточ-

ностей. А у меня выхода не было, я представляла Советский Союз. Подошла к нему и со слезами на глазах сказала через переводчика:

— Извините меня, я ночью сама расписывала аранжировку. Если не выступлю, моя карьера на родине завершится.

Он меня пожалел, дал указание переписать ноты.

Переписчики нашли там всего 2-3

ошибки. На партитуре дирижёр своей рукой написал: Die Kleine Schelmen Mädchen («Озорная девчонка»). Меня вне сцены так и называли в Германии: «Шельма».

— Ты окончила консерваторию по классу скрипки. А когда последний раз брала в руки инструмент?

— Московские музыканты, работавшие в группе «Оризон», в 2002 году решили возобновить этот коллектив. Мы записали полноценный альбом. Я в метро купила скрипку и чуть-чуть сыграла на ней на этом альбоме. Она у меня до сих пор есть.

— У тебя было 10 мужей. Ты их называешь «первый», «шестой», «десятый». Ты не помнишь их имена?

— Помню, конечно. Но у меня шестой и восьмой Саши, например. Как их ещё отличать?

— Десять мужей это много. Как ты себе отвечаешь на вопрос о том, почему ты столько раз была замужем?

— Я месяцами была на гастролях, а муж далеко дома. Какой мужчина это выдержит? Телевизионный диктор Тана Судец в программе у Максима Галкина сказала про меня:

— Наташа у нас честной была. Когда у неё с кем-то начинались отношения, она сразу замуж выходила. А потом, если человек не подходит, чего мучиться, притираться? Значит, следующий будет нормальный.

— Как часто ты сегодня выступаешь?

— Если в месяц пару раз получается, это большая удача. А были времена, я с Владимиром Высоцким в одной программе работала по шесть концертов в день. Первое отделение я пела с оркестром, второе он начинал с оркестром, а потом просто пел под гитару. Это было незадолго до его ухода из жизни.

Во время выступления в двухтысячном зале в Грозном я сорвала голос. И уже петь не могу, хриплю. Зрители, естественно, ждут Высоцкого, а тут я пою и пою, да ещё и хриплым голосом. На пятой песне мне люди из зала кричат:

— Хватит! Высоцкого давай.

А мне же надо норму выдать. В паузе обратилась к залу:

— Граждане-товарищи, дайте мне допеть пару песен, а то мне зарплату не дадут.

Высоцкий всегда был за кулисами заранее и, увидев, как я мучаюсь, махнул мне рукой по-отечески: мол, давай, спасу тебя.

— Тебе удавалось с Владимиром Семеновичем пообщаться?

— Минимально. Как-то у Высоцкого было хорошее настроение, и он пригласил меня, нашего солиста и дирижера после концерта к себе в номер. Энергии у него было столько, что он после двухчасового концерта ещё полночи мог петь песни для близкого круга людей.

— Тебя не удивляет то, насколько долговечными оказались песни советских композиторов, которые в 1980-е казались «совком»?

— В советские времена к стихам и музыке подход был серьёзный. Поэты-песенники профессиональные были. Когда текст в песне хороший, его поёшь с удовольствием. А сейчас в основном рифмоплёты. Просто набор слов. У нас всё было со смыслом, потому что отбор был строгий. И не в цензуре дело. Если плохая песня, её петь никто не будет. Даже если сто раз покажут по телевидению, всё равно народ её не запоёт. Потому что она плохая. А хорошие песни стали классикой.